

О. О. Комарова

Тверской государственный университет, 3 курс

Научный руководитель: к.ф.н. П.А. Колосова

ФЕНОМЕН НЕНАДЁЖНОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ В СИСТЕМЕ СМЫСЛООБРАЗОВАНИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Для успешного выхода из герменевтической ситуации, минимизации случаев ложной интерпретации были сформированы и продолжают формироваться многочисленные техники и способы упрощения процессов понимания. Значительная роль в этом смысле отводится теоретическим понятиям, литературным типологиям и классификациям. Созданные на основе описания многократно повторяющихся в разных текстах явлений, они, в сущности, предвосхищают потенциальный ход развития текста для читателя, становясь основой и во многом предопределяя исход его рефлексивной деятельности. Из чего следует, что неполнота и неточность таких понятий и классификаций может приводить к непониманию и ложным интерпретациям авторских интенций.

Говоря о таких «шаблонах», призванных стать «опорными точками» в процессе понимания, Г.П. Щедровицкий акцентировал необходимость их динамического развития – каждый новый случай применения шаблона непременно вносит что-то новое, обогащает его [Щедровицкий 2005: 51]. Если такого обогащения не происходит, из вспомогательной «опорной точки» такие шаблоны превращаются в «шумы» и «помехи» искажающие, а порой и полностью заглушающие голос автора. Ярким примером такой амбивалентной роли служат сравнительно недавно зафиксированные в теоретической базе нарратологии феномен и классификация ненадежной наррации. Данная статья представляет попытку переосмысления функциональной значимости ненадежности как средства опредмечивания авторских смыслов в текстах художественной литературы на основе герменевтических разработок Г.П. Щедровицкого.

Одним из этапов построения системомыследеятельного подхода Щедровицкого были исследования процессов мышления младших школьников во время решения арифметических задач. В ходе эксперимента детям предлагалось решить задачи различного уровня сложности – прямые, где в условии четко задавались все исходные данные, к которым далее ставился вопрос; и косвенные, где логика производимого при решении арифметического действия противоречит «сюжету» задачи [Щедровицкий, Якобсон 1962]. Или же вопрос задачи не соотносился с объектом напрямую и требовал умения поэтапного «развертывания» условия, вычленения значимой информации. Большинство школьников, легко справляясь с прямыми задачами, не справились с решением косвенных. Причиной таких результатов стало непонимание школьниками

более сложных, многоуровневых условий. Это подтолкнуло команду исследователей задать ряд новых вопросов, и в частности, что, собственно, можно считать пониманием и непониманием, и как ситуацию непонимания можно разрешать. При этом поиск решения данных вопросов имеет гораздо большее значение, чем чисто лингводидактическое, выходит далеко за рамки обучения математике младших школьников. Данный эксперимент наглядно проиллюстрировал одну из основных герменевтических проблем – проблему ложной интерпретации или даже полной неспособности понимать.

В контексте интерпретации современных текстов художественной литературы такими «прямыми задачами» можно считать традиционные художественные тексты, где рассказчик «ведет» и «направляет» читателя, предоставляя все необходимые средства для распознавания авторских интенций. Читателю остается лишь распределить опредмеченные автором через нарратора смыслы. Такую деятельность можно было бы условно назвать «прямым» распределением, так как нарратор выступает здесь как посредник, не создавая барьеров и препятствий между автором и читателем. «Косвенными задачами» становятся для читателей современные нетипичные нарративы, где вместо ожидаемого совпадения позиции автора и рассказчика читатель сталкивается иногда с полной противоположностью – абсолютным расхождением и даже кажущимся противоречием авторской и нарраторской позиций. Замешательство читателя в такой ситуации очень схоже с замешательством школьника, не способного связать данные условия и вопрос в косвенной задаче.

Главным методом в обучении решению таких задач в эксперименте стало предоставление ребенку готовых шаблонов, соответствующих определенным этапам поиска ответа. Тогда Щедровицкий и постулировал значимость постоянного взаимообогащения шаблонов за счет средств текста и самого текста за счет наложения на него шаблонов. Аналогичным образом должны расширяться с появлением новых текстов рамки литературных классификаций.

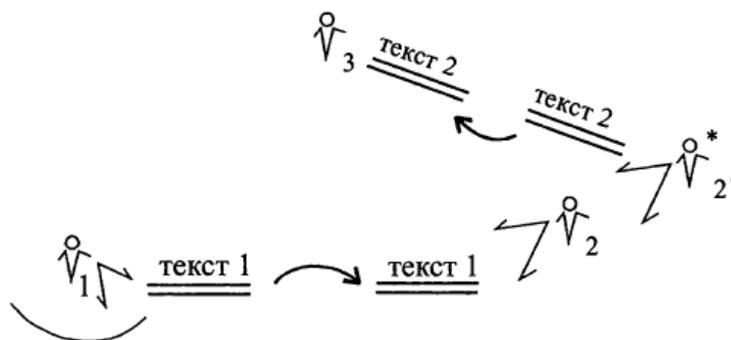
Исследователь, введший в научный оборот понятие ненадежной наррации Уейн К. Бут и разработчик классификации ненадежных нарраторов У. Ригган основывали свои концепции по большей части на описании перволичных рассказчиков-«лжецов», «наивных» и «сумасшедших» нарраторов [Riggan 1982], иллюстрируя их классическими примерами из детективных историй XIX-XX веков. С довольно строгими рамками критериев ненадежности, концепции, несмотря на многочисленную критику, в целом выполняли свою функцию, являясь справедливыми для большинства существующих на тот момент нетрадиционных нарративов. Однако с появлением тенденции переосмысления общественного отношения к девиантным явлениям в литературе прием перволичного повествования стал активно

использоваться в совершенно новом ключе. Не как средство противопоставления позиций читателя и рассказчика, а напротив – как способ приблизить читателя к пониманию и принятию того, что казалось «странным» и «ненормальным». «The Curious Incident of the Dog in the Night-Time» Марка Хэддона – пример того, как, казалось бы, ненадежный по всем параметрам рассказчик (15-летний мальчик-аутист) оказывается (пусть даже сам того не подозревая) вполне надежным транслятором авторских идей. Однако многие читатели, опираясь на классические представления о ненадежных рассказчиках, узнав об отклонении героя, изначально заняли предвзято-отстраненную позицию, таким образом упуская огромное количество ключевых для произведения идей. Многими непонятым остался и роман-детектив Эммы Хили «Elizabeth is missing», главная героиня которого – пожилая женщина с тяжелой степенью деменции – действительно является ненадежным нарратором. Не в состоянии вспомнить даже своих близких, она безнадежно путается в событиях и фактах. Такая повествовательная «хаотичность» отпугнула читателей. Но эта «хаотичность» иллюзорна, в действительности текст имеет очень четкую структуру организации двух текстовых миров и двух планов повествования – «запутанного, ненадежного» настоящего и очень детального, последовательного прошлого героини. Однако разграничить эти два плана и контраст между ними многим не удалось из-за применения шаблона ненадежности ко всему тексту.

По замечанию Щедровицкого, работа с шаблонами всегда должна быть многоуровневой, с «постепенным расширением их системы и поиском новых опорных точек в тексте, построением «иерархии смыслов» [Щедровицкий 2005: 52]. Последовательность образования уровней смысла в тексте сложна и иерархична, выделить структуру смыслов текста путем простого и линейного анализа невозможно, что необходимо учитывать при анализе процессов понимания и смыслообразования.

Очевидно, подобные упомянутым произведениям тексты должны стать основой расширения «шаблона» ненадежности. Основной для расширения и уточнения более не действительных критериев ненадежности, разграничения «формальной» ненадежности – ненадежной фокализации рассказчика [Жданова URL], и ненадежности действительной. Акцентировать нужно и возможность разделения планов повествования в рамках одного нарратива.

Однако все это имеет смысл только в случае овладения читателем уровнем распрямляющего понимания и установкой на рефлексивный выход. Описывая процессы рефлексии и понимания, Щедровицкий опирался на следующую схему:

Участник 1 является продуцентом текста, 2 – реципиент, 3 – второй реципиент, провоцирующий выход в рефлексивную позицию первого. Щедровицкий вводит второго реципиента для усиления акцента на сущности процесса рефлексии. Однако при чтении текста функцию второго реципиента выполняет сам читатель, задавая себе вопросы типа «почему я поняла так, а не иначе?». Щедровицкий отмечает, что рефлексия своего собственного процесса понимания – это работа принципиально иного рода, нежели само понимание. Читатель меняет предмет своей работы, «обращая свое сознание на свою прежнюю деятельность и именно ее делая содержанием своей новой деятельности» [Щедровицкий 2005: 326]. Именно этот переход Щедровицкий называет рефлексией.

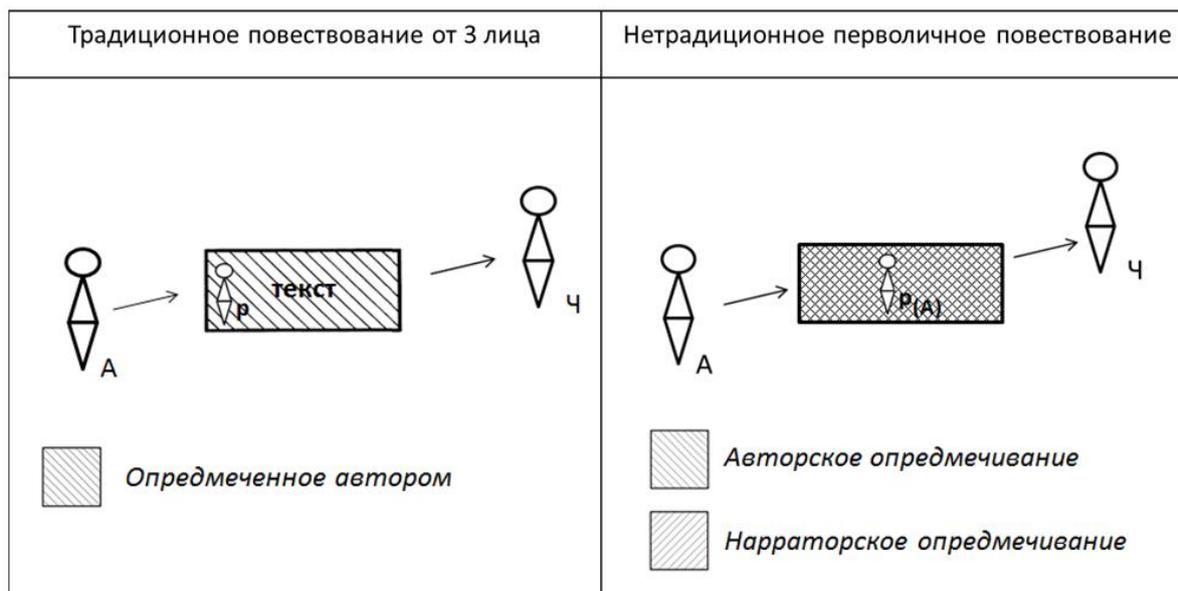
Рефлексивным выходом он называет переход из позиции внутренней во *внешнюю* как по отношению к прежним, уже выполненным деятельности, так и по отношению к будущей, проектируемой деятельности [Щедровицкий 2005: 223]. Соответственно, позиция 2' является рефлексивной позицией.

Как уже отмечалось ранее, нетипичное перволичное повествование зачатую представляет определенную дополнительную трудность для читателя. На основе данной схемы рефлексии мы попытаемся уточнить природу и сущность этой трудности.

Если остановиться подробнее на первом этапе схемы Щедровицкого (продуцент-текст1-реципиент) и рассмотреть текст как систему опредмеченных автором смыслов, то можно разграничить две ситуации:

- 1) соответствующая традиционным повествовательным техникам
- 2) в условиях перволичного повествования.

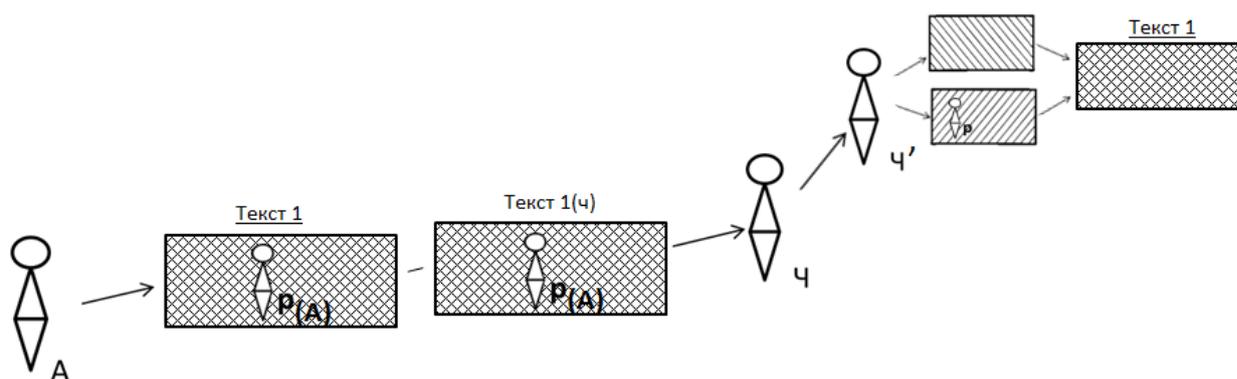
Соответственно, мы получаем две схемы:

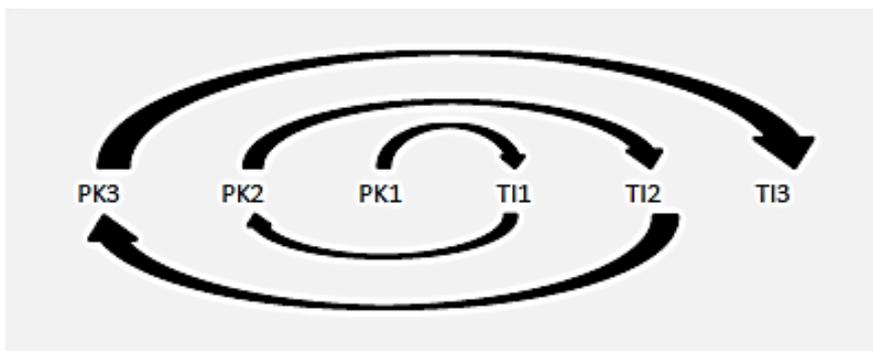
Первая схема максимально проста, так как здесь читателю предстоит решить «прямую задачу» по распределению авторских смыслов. Рассказчик, являясь составной частью текста, выступает связующим звеном между автором и читателем. Во втором случае задача усложняется: рассказчик становится не просто частью, а центром нарратива, он начинает выполнять функцию «вторичного» автора; на опредмеченное автором накладывается «нарраторское» опредмечивание. Разумеется, все смыслы и идеи (в том числе героя-рассказчика) в текст закладывает автор, но интенции у них разные, поэтому на теоретическом уровне представляется возможным говорить о «нарраторском опредмечивании». Нарратор связывает читателя в первую очередь с фиктивным миром произведения, со своим взглядом на него. Это существенно усложняет задачу читателя – для четкого разграничения авторского и нарраторского планов находиться на позиции рефлексивного выхода (2' в схеме Щедровицкого) приходится постоянно.

При этом соотношение эксплицитности авторского и нарраторского опредмечивания будет определять тип нетрадиционного нарратива. Чем «насыщеннее» план нарраторского опредмечивания, тем больше вероятность, что нарратив ненадежен. Чем легче в тексте разграничить позицию автора от интенций рассказчика, тем вероятнее ненадежность фокализации героя. Так, например, в «The Curious Incident...» в репликах героя то и дело прослеживаются идеи самого автора. Избрав повествователем того, чье мироощущение до такой степени отлично от «нормального» и так «ненадежно», Хэддон устами ребенка-аутиста смог рассказать о проблемах, касающихся каждого из нас. При этом авторская позиция совсем не обязательно всегда совпадает с нарраторской, но она стабильно прослеживается на протяжении всего нарратива.

Иначе обстоит дело с действительно ненадежными нарративами, где автор «молчит» вплоть до самого конца, а читатель пребывает в ситуации «дейктической неопределенности». Здесь ключевым становится дублирование «текст1-текст1» в схеме Щедровицкого. Так как сам по себе текст не несет смыслов и читатель создает их на основе своего понимания (хотя и думает, что «восстанавливает то, что создал автор») [Щедровицкий 2005: 113], в случае ненадежного нарратива автор заведомо позволяет читателю создать «ложные» смыслы и ошибочное представление, лишь под конец раскрывая истинное положение дел, как, например, происходит в «Убийстве Роджера Экройда» Агаты Кристи. В этом случае создаваемая читателем в ходе прочтения картина смыслов – «текст 1(ч)» априорно является «черновой», а усмотрение авторских интенций становится возможным лишь при повторном(!) выходе на рефлексивную позицию после прочтения и повторном построении «уточненного» текста, на основе разведения эксплицитно обозначенного нарраторского плана и имплицитного авторского, как на показано следующей схеме:

Работа с текстом становится как минимум двухуровневой, а процесс наращивания смыслов – иерархичным. Если обратиться к идее герменевтической спирали (круга), это будет означать, что в сущности – первое прочтение это всегда лишь этап РК (preknowledge в модели герменевтической спирали Гельмута Даннера), а действительная интерпретация возможна лишь после прочтения, когда становится ясным соотношение позиций ненадежного рассказчика и автора.

* **PK: preknowledge; TI: Text interpretation [Mayring 2014: 27].**

Говоря о рефлексии, Щедровицкий отмечал, что одним из главных ее источников становятся ошибки, так как именно осознав, что совершили ошибку, мы максимально концентрируемся на анализе своей деятельности и поиске причин неудачи [Щедровицкий 2005: 221]. Это раскрывает функциональную значимость приема ненадежной наррации как особого механизма смыслообразования. В этом смысле ненадежное повествование становится очень мощным средством побуждения рефлексии. Столкнувшись с совершенно неожиданным исходом событий, осознав, что все выстроенные в ходе чтения представления на деле неверны, читатель вынужден начать рефлексировать уже не просто над текстом, а над собственной интерпретационной деятельностью, задавая вопросы типа «что привело к тому, что я понял так, а не иначе? Какие внутритекстовые приемы “обманули” меня?». Это в результате приводит к гораздо более глубокому пониманию текста.

Нестандартные подходы современных писателей к работе с повествовательными техниками требуют переосмысления и расширения, заложенных теоретической базой «шаблонов». Важным представляется также принятие любого литературоведческого концепта как потенциально устаревающего с каждым новым произведением. Это освобождает читателя от постоянного страха «понять не так», позволяя наслаждаться решением даже самой трудной герменевтической задачи.

ЛИТЕРАТУРА

Жданова А.В. Особенности наррации и фокализации в романе Нелл Харпер Ли «Убить пересмешника» [Электронный ресурс]. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24479456> (дата обращения: 20.04.2018)

Щедровицкий Г.П. Мышление – Понимание – Рефлексия. М.: Наследие ММК. 2005. 800 с.

Щедровицкий Г.П., Якобсон С.Г. К анализу процессов решения простых арифметических задач. Сообщения I-V. // Докл. АПН РСФСР. 1962. № 2–6.

Mayring Ph. Qualitative Content Analysis. Theoretical Foundation, Basic Procedures and Software Solution. Klagenfurt, Austria, 2014. 140 p.

Riggan W. *Picaros, Madmen, Naifs, and Clowns: The Unreliable First-person Narrator*. University of Oklahoma Press, 1982. 240 p.